

Шевченко Тарас Григорьевич

Кобзарь

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Т19

Т19 **Тарас Григорьевич Ш.**
Кобзарь / Шевченко Тарас Григорьевич – М.: Книга по Требованию, 2022. –
36 с.

ISBN 978-5-521-30855-2

ISBN 978-5-521-30855-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Поэтъ рыдалъ, рассказывая объ этомъ случаѣ своимъ друзьямъ.

Недолго пришлось остаться Шевченку на свободѣ и пожить свободнымъ человѣкомъ на Украинѣ. За участіе въ кирилло-меѳодіевскомъ обществѣ, мечтавшемъ о федераціи *) и братствѣ славянъ и за свои эзободололюбивые стихи Шевченко былъ отданъ въ 1847 году въ солдаты и сосланъ въ глухой уголокъ закаспійскаго края на Кавказѣ. Десять лѣтъ мучился онъ въ тяжелыхъ условіяхъ службы въ Оренбургѣ и Орской крѣпости: ему не позволяли ни писать, ни рисовать, обрекая на мучительную духовную смерть. Но и прикованный къ кавказскимъ скаламъ украинскій Прометей слалъ свои проклятія рабству и пѣлъ о свободѣ.

II.

Въ творествѣ Т. Шевченка преобладаетъ нѣсколько опредѣленныхъ мотивовъ. Романтической тоской о прошломъ Украины, о ея славныхъ могилахъ, о казачествѣ и походахъ исполнены первые произведенія Шевченка: «Иванъ Подкова», «Причинна», «Тополя», «Чигиринъ» и др. Шевченко является продолжателемъ и завершеніемъ народнаго украинскаго творчества. Для него—поэтъ—это только народный пѣвецъ—Кобзарь, который напѣваетъ сердцу божьи слова, плачетъ на родныхъ могилахъ, напоминая народу-рабу лучшіе дни свободы и борьбы, рыдаетъ вмѣстѣ съ Украиной, которая «зажурилась, какъ безталанная вдовица». Шевченко-Кобзарь вѣритъ въ великую силу слова—«огненнаго слова»; оно упадетъ когда-нибудь на землю огнемъ, слезой и раздавитъ тѣхъ, кто распинаетъ правду. Оно станетъ на стражѣ добра и свободы; слово взойдетъ на нивѣ народной добрымъ посѣвомъ (Перебендя, Неофіти и др.). Съ большою художественностью рисуетъ Шевченко послѣднія вспышки народнаго протеста въ ужасахъ гайдамаччины XVIII вѣка («Гайдамаки»). Но изображая дикія картины вражды и ненависти малорусскаго крестьянства того времени, и ихъ борьбу съ польскими панамъ и арендаторами-евреями, Шевченко остается чуждъ національной розни и нетерпимости. Съ глубокимъ пониманіемъ демократизма объясняетъ онъ эту вражду въ письмѣ къ польскому писателю Залѣскому: «оттак

*) Союзъ національныхъ самоуправленій (автономій).

то ляше, друже-брате, не сытый ксендъ, маѣнаты насъ розлучили, розвели»...

Соціальныя и общественныя противорѣчія вызываютъ у поэта могучіе взрывы протеста и призывы къ борьбѣ («Заповітъ»). Онъ ненавидитъ угнетателей и «людоѣдовъ, которые наѣлись, накрали, изворовались—а что взяли на тотъ свѣтъ съ собой»? Шевченко былъ послѣдовательный сторонникъ полной политической свободы, равноправія людей и національностей («Сонъ», «Гусь», «Кавказъ») славянскаго братства, мечталъ о томъ времени, когда всѣ славяне стануть «сынами солнца правды»...

Личные идеалы Т. Шевченка были чисто патріархальныя, земледѣльческіе. Семья, вишневый садочекъ, соловейко, мать съ ребенокомъ на рукахъ, родное поле. Матери и праву материнства и свободного чувства посвящены лучшія поэмы Шевченка: «Наймичка», «Катерина», «Видьма», «Неодиты», «Маты-покрытка», и наконецъ поэма «Марія», въ которой изображена божественная мать, выносившая міру Спасителя. Любовь рѣдко бываетъ счастлива въ поэзіи Шевченка, она приноситъ чаще страданіе, она глубоко трагична въ силу общественныхъ предразсудковъ.

Мечты о тихомъ семейномъ счастьѣ ни на минуту не убивали въ Шевченкѣ борца за правду, не угашали его мятежнаго духа, не подавляли въ немъ его любви къ родному народу и Украинѣ.

Болѣе всего боялся онъ сна и бездѣльной покорности. «Тяжко спать въ неволѣ, въ цѣпяхъ, но еще тяжелѣ ваяться на волѣ гнилой колодой и не оставить творческаго слѣда въ жизни. Лучше умереть, чѣмъ такъ жить—говоритъ Шевченко въ стихотвореніи—«Мынають дни, мынають ночи...»—одномъ изъ перловъ міровой лирики.

Въ этой мятежности духа, въ этихъ тревогахъ сердца, истекающаго кровью, въ призывахъ къ свободѣ и борьбѣ, въ благородномъ протестѣ противъ неправды, въ горячей любви къ ближнимъ и искреннемъ демократизмѣ—неотразимое обаяніе и личности Шевченка, и его творчества, обвѣяннаго духомъ народной украинской поэзіи и глубоко проникнутаго общечеловѣческими идеалами.

К. Арабажинъ.

ПЕРЕБЕНДЯ.

Перебендя, старый, хилый —
Кто его не знает?
Онъ шатается повсюду
Съ кобзой, да играетъ.
А того, кто имъ играетъ,
Люди уважаютъ:
Самъ кручинится, а людямъ
Горе разгоняетъ.
Онъ и днюетъ и ночуетъ
Въ полѣ, сиротина;
Нѣтъ избы у горемыки;
Шутить съ нимъ судьбина,
Издѣвается надъ старымъ,
А кобзарь ни слова;
Сядетъ гдѣ-нибудь, затанетъ.
„Не шуми, дуброва!“
Запоетъ, да и припомнитъ,
Что онъ сиротина:
Потоскуетъ, погорюетъ,
Сидя подъ лозиною.

*) Перебендя—здѣсь собственное имя; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, оно выражаетъ и образъ жизни кобзаря, непостоянный невѣрный, бродячій. Прим. перев.

Вотъ такой-то Перебендя,
Странный да бывалый!
Пѣснь про „Чалаго“ *) затынетъ,
Кончить разудалой;
Въ полѣ съ дѣвками — поетъ имъ
„Гриця“ да „Веснянку“;
Въ кабацѣ же съ молодцами —
„Сербина“, „Шинкарку“;
Съ молодницами на свадьбѣ
(Гдѣ свекруха злая) —
Про „Тополю“, „Злую долю“,
А потомъ—„У гаю“;
На базарѣ—„Лазарь“-пѣсню,
Аль, чтобъ люди знали,
Запоетъ, какъ Сѣчь родную
Войски разоряли.
Вотъ такой-то Перебендя,
Старый да капризный!
Засмѣется, а окончить
Плачемъ, укоризной.
Вѣтеръ вѣетъ-повѣваетъ,
По полю гуляетъ.
На могилѣ Перебендя
Пѣсни распѣваетъ.

*) Извѣстная украинская пѣсня, отличающаяся особенно грустнымъ напѣвомъ. Прим. перев,

Степь широкая, какъ море,
 Вкругъ него синѣеть;
 За могилую могила,
 Дальше—чуть виднѣеть...
 Старый усъ съ сѣдой чуприной
 Вѣтеръ развѣваетъ;
 То приляжетъ и внимаетъ,
 Какъ, кобзарь играетъ.
 Хорошо, кобзарь мой милый,
 Дѣлаешь, что ходишь
 Пѣть и думать на могилу,
 Рѣчи съ ней заводишь!
 Приходи, пока, мой голубь,
 Сердце не остыло;
 Пой, чтобъ люди не слышали,
 Какъ поешь уныло.
 А чтобъ люди не чуждались,
 Потакай имъ, барамъ!
Скажи, враже, какъ панъ каже:
 Онъ богатъ не даромъ.
 Вотъ такой-то Перебендя,
 Старый да капризный!
 Грянетъ „Горлицу“, а кончить
 Плачемъ, укоризной.

Н. Гербель.

ИВАНЪ ПОДКОВА.

1.

Было время — по Украинѣ
Пушки грохотали;
Было время — запорожцы
Жили-пировали;
Пировали, добывали
Славы, вольной воли.
Всё то минуло — остались
Лишь могилы въ полѣ.
Тѣ высокія могилы,
Гдѣ лежитъ зарыто
Тѣло бѣлое козачье,
Саваномъ повито.
И чернѣютъ тѣ могилы,
Словно горы, въ полѣ,
И лишь съ вѣтромъ перелетнымъ
Шепчутся про волю.
Славу дѣдовскую вѣтеръ
По полю разноситъ...
Внукъ услышитъ — пѣсню сложить
И съ той пѣсней косить.
Было время — на Украинѣ
Въ пляску шло и горе:

Какъ вина да мѣду вдоволь —
По колѣна море!
Да, жилось когда-то славно!
И теперь вспомняешь —
Какъ-то легче станетъ сердцу,
Веселѣе взглянешь.

2.

Встала туча надъ Лиманомъ,
Солнце заслоняетъ;
Лютымъ звѣремъ, сине-море
Стонетъ, завываетъ.
Днѣпръ надулся. „Что жъ, ребята,
Время мы теряемъ?
Въ лодки! — море расходилось:
То-то погуляемъ!“
Высыпаютъ запорожцы —
Вотъ Лиманъ покрыли
Ихъ ладьи. „Играй же, море!“
Волны заходили...
За волнами, за горами
Берега пропали.
Сердце ноетъ; казаки же
Веселѣе стали.
Плещутъ вёсла; пѣсня льётся;
Чайка вокругъ порхаетъ...

Атаманъ въ передней лодкѣ —
Путь-дорогу знаетъ.
Самъ все ходитъ вдоль по лодкѣ;
Трубку сжалъ зубами;
Взглянетъ вправо, взглянетъ влѣво —
Гдѣ бѣ сойтись съ врагами?
Закрутилъ онъ усъ свой чорный,
Вскинулъ чубъ косматый,
Поднялъ шалку — лодки стали.
„Сгинь ты, врагъ проклятый!
Поплывемте не къ Синопу,
Братцы атаманы,
А въ Царьградъ поѣдемъ — въ гости
Къ самому султану“.
— „Ладно, батька!“ загремѣло.
— „Ну, спасибо, братцы!“
И накрылся.

Вновь горами
Волны громоздятся...
И опять онъ вдоль по лодкѣ
Ходитъ, не садится;
Только молча, исподлбья
На волну косится.

М. М.

ТОПОЛЬ.

По дубровѣ вѣтеръ вѣтъ,
По полю гуляетъ,
У дороги стройный тополь
Долу нагибаетъ.
Станъ высокій, листъ широкій —
Что онъ зеленѣтъ?
Какъ широкое то море,
Поле вокругъ синѣтъ.
Чумаки ль проѣдутъ мимо —
Смотришь — приуныли;
На зарѣ ль чабанъ съ свирѣлью
Сядетъ на могилѣ,
Поглядитъ — занеетъ сердце:
Возлѣ ни былины!
Одинокъ — сиротою —
Вянетъ на чужбинѣ.
Кто же растилъ его, да холмилъ
На погибель злую?
Красны дѣвицы, постойте —
Все вамъ расскажу я!
Молодой казакъ дѣвицѣ
Крѣпко полюбился,

Полюбился онъ — уѣхалъ
И не воротился.
Если бъ знала, что покинетъ —
Лучше бъ не любила;
Если бъ знала, что онъ сгинетъ —
Лучше бъ не пустила;
Если бъ знала — не ходила бъ
Поздно за водою,
Не стояла бъ вплоть до ночи
Съ милымъ надъ рѣкою;
Если бъ знала!...

И то горе —
Знать, что повстрѣчаешь,
Знать впередъ, что съ нами будетъ...
Лучше, какъ не знаешь!
Не пытайте доли: сердце
Суженаго знаетъ...
Пусть болить, пока на-вѣки
Въ землю закопаютъ!
Вѣдь не долго вы румяны,
Пышны, бѣлолицы;
Брови — черны, очи — кари
Не на-вѣкъ, дѣвицы!
До полудня — и завянутъ,
Брови полиняютъ...